

Ирина Белобровцева

Георгий Адамович – *mortus* и *vivus*

Георгия Адамовича часто упрекали в предельной субъективности критических оценок в зависимости от признания авторов «своими» или «чужими». Владимир Набоков выбрал его в качестве прототипа карикатурного персонажа, литературного критика Христофора Мортуса (русская огласовка латинского *mortuus*, т. е. «умерший», «мертвый») в романе «Дар». В статье показана другая, неожиданная сторона личности Адамовича – его глубокое сочувствие прозаику Леониду Зурову, которого он всегда считал «чужим», эстетически чуждым. После известия о душевной болезни Зурова Адамович принимает на себя роль «мортуса», т. е., согласно Толковому словарю Даля, «служителя при чумных», облегчающего болезнь.

Ключевые слова: Георгий Адамович, «мортус» = «мертвый», «мортус» = «служитель при чумных», Леонид Зуров, эмпатия.

Один из самых ярких и влиятельнейших критиков парижской эмиграции Георгий Адамович вошел в пословицу предельной субъективностью своих суждений о литературе и готовностью делить литераторов на «своих» и «чужих». Это обусловило вполне правомерную литературную реакцию: он стал прототипом персонажа романа Владимира Набокова «Дар». На основе каскада общеизвестных в литературных кругах качеств Адамовича у Набокова была сконструирована «С»-амая, пожалуй, любопытная фигура в паноптикуме эмигрантской словесности, представленном на страницах «Дара», – это влиятельный парижский критик Христофор Мортус. <...> многие из первых читателей «Дара» в «Современных записках», достаточно искусственные зрители литературных баталий, безошибочно распознали в Мортусе обидную, ибо точную, карикатуру на Г. В. Адамовича, постоянного литературного обозревателя парижской газеты «Последние новости». <...> Манерный, аффектированно уклончивый стиль статей Мортуса, избылиующих восклицаниями, риторическими вопросами, ненужными оговорками и отступлениями, избыточными кавычками; его пристрастие к неточным и непроверенным цитатам по памяти, <...> намеренное пренебрежение тем, что он называет «художественным» качеством рецензируемых текстов, и разделение литераторов на «своих» и «чужих» в соответствии с личными симпатиями и антипатиями <...> все это прямо указывало на Адамовича как на главного адресата набокловских ядовитых пародий»¹.

¹ А. Долинин, «Три заметки о романе Владимира Набокова «Дар»», в Владимир Набоков: pro et contra. Т. 1. С.-Пбг: РХГА, 1999. Доступен на <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika/dolinin-tri-zametki-o-romane-dar.htm>.

Однако неожиданно Адамович продемонстрировал глубокую эмпатию в отношении прозаика молодого поколения русского зарубежья Леонида Зурова, хотя тот, без всякого сомнения, относился к категории «чужих» авторов. Впервые имя Зурова появилось у Г. В. Адамовича за полгода до приезда молодого писателя во Францию, в 1929 году; в последний раз он пишет о Зурове за три месяца до его смерти, в 1971-ом. Ни один критик не уделял Зурову столько внимания, что вызывает вопрос: почему же «чужой» автор постоянно находился в поле зрения Адамовича.

Как это случалось с Леонидом Зуровым постоянно, большинству критиков, да и многим другим членам эмигрантского сообщества он представлял в тени И. А. Бунина и в связи с Буниным. «Ученик Бунина», «последователь Бунина», даже «эпигон Бунина» – эти клише в отношении его первой книги «Кадет» усматривали Вл. Ф. Ходасевич и А. В. Амфитеатров, К. И. Зайцев и рижанин Н. И. Мишеев, В. Н. Ладыженский и, в конце концов, Г. П. Струве в своей хрестоматийной книге «Русская литература в изгнании», воспринятой в момент выхода как единственно верный взгляд на всех эмигрантских литераторов. Кажется, только двое – автор первой рецензии на повесть «Кадет» Юлий Айхенвальд и давний знакомец и друг Зурова Николай Андреев – не разделяли этой иллюзии. Хвалебная рецензия Бунина на дебют молодого провинциального автора из Риги и последовавшее бунинское приглашение Зурова во Францию только усугубили представление о нем как о бунинском ученике.

В статье о «Кадете» Адамович, по сути, закрепляет эти клише своим авторитетом – статья посвящена не самой повести, а ее оценке Буниным. Критик сводит здесь счеты с Буниным-критиком, хотя на открытую войну с живым классиком не идет, заранее обустроив свои тылы. В постскриптуме письма Бунину от 10 мая 1929 года он замечает: «Я написал статью о Зурове – и развел легкую полемику с Вами. Вы мне говорили в Париже, что любите это. Поэтому я буду находиться в ожидании печатных обличений и опровержений с Вашей стороны»². В самой же статье далеко не беспристрастный в своих суждениях о молодых литераторах Адамович приписывает это же качество Бунину: «Едва ли будет ошибкой сказать, что быструю популярность Зурову создал Бунин³. Все знают, как строг Бунин в своих суждениях, как взыскателен в оценках, – и вот Бунин расхвалил Зурова, никому не ведомого юношу, напечатавшего два или три рассказа

² Письмо Г. В. Адамовича И. А. Бунину от 10 мая 1929 года, в И. А. Бунин. Новые материалы. Вып. 1. Москва: Русский путь, 2004. С. 15.

³ Имеется в виду опубликованный за три месяца до этой статьи Адамовича отзыв Бунина на книгу Зурова «Кадет»: «... подлинный, настоящий художественный талант, – именно художественный, а не литературный только, как это чаще всего бывает, – много, по-моему, обещающий при всей своей молодости» (И. Бунин, «Леонид Зуров», Россия и славянство, 1929. 12 января. № 7. С. 3).

в каком-то русском журнальчике и недавно выпустившего отдельным изданием повесть “Кадет”. <...> Его наметили кандидатом в наши здешние зарубежные “звезды”, – посмотрим, есть ли основания эту кандидатуру поддержать.

Скажу сразу: их, на мой взгляд, немного. Зуров – даровитый человек. Но он – как бы это вернее сказать? – не на уровне времени. <...> Предчувствую вопрос: а Бунин? Как решается вы с легким сердцем противоречить такому судьбе?» – и Адамович «отвечает» на свой собственный вопрос: крупные писатели «всегда читали только самих себя, – а не родственного себе просто не вмещали. Вероятно, таков и Бунин. Поэтому за ним и невозможно в его суждениях следовать. <...> при малейшей близости он способен наделить читаемого автора воображаемыми богатствами и восхититься там, где мы, никаких миражей не видя, лишь недоумеваем»⁴.

Адамович заведомо не рассчитывает на вступление Бунина в полемику, поэтому закономерно, что единственным продолжением, которое имела эта статья, – стала посланная Зурову в Ригу газетная вырезка с пометами Бунина на полях. Кроме единственного замечания в положительном духе «Правильно», все остальные выдержаны в типично бунинском задиристо-ядовитом стиле: «Глупости!», «Очень глупо», «Вздор», «“Смерть князя Даниила” очень хороша», «“Отчину” <то есть вторую книгу Зурова – И. Б.>, очевидно, не читал». Свои замечания Бунин завершил своеобразной моралью: «В общем, не придавайте значения этой чепухе. “Собаки лают – значит, едем” (татарская поговорка)»⁵.

В 1930-х гг. Адамович продолжает следить за творчеством Зурова. В рецензии на публикации молодых прозаиков в альманахе «Круг» (1936) он называет Юрия Фельзена, Василия Яновского, Сергея Шаршуна и Леонида Зурова «цветом» парижской молодой беллетристики, а их новые вещи считает не просто интересными, но и показательными. Здесь он впервые выделяет «обособленность» Зурова: «... “Новый ветер” Зурова лишний раз доказывает медленный, верный, “крепкий” творческий рост автора. Это самый спокойный⁶ из наших молодых писателей, едва ли не единственный среди них, каким-то чудом сохранивший во всех теперешних катастрофах, крушениях и передрагах некую “классическую” уравновешенность тона и естественное, ничуть не наигранное стремление без следа раствориться в своих героях. Два возможных предположения: или он мало впечатлителен

⁴ Г. Адамович, «Литературные заметки: О Леониде Зурове, авторе повести “Кадет”», Последние новости, 1929. 9 мая. № 2969. С. 3. Цит. по: Переписка И. А. и В. Н. Буниных с Г. В. Адамовичем (1926–1961) / Публ. О. Коростелева и Р. Дэвиса, в И. А. Бунин. Новые материалы. Вып. 1. М.: Русский путь, 2004. С. 15–16.

⁵ Вырезка со статьей Г. Адамовича «О Леониде Зурове, авторе повести “Кадет”» с пометами И. Бунина, Русский архив Лидского университета (далее РАЛ). MS. 1068/4974.

⁶ Здесь и далее выделено мной – И. Б.

и просто невнимателен к тому, что в наше время происходит с человеком и культурой, не слышит и не понимает взрывчатых, антицелостных мотивов эпохи, – или он очень силен и эпоху “преодолевают”. По ранним зуровским опытам первая гипотеза казалась мне вероятнее, но сейчас больше оснований отнести к нему с доверием, – и остановиться на второй»⁷.

Впрочем, отзывы Адамовича отражают его, прежде всего, двойственное отношение к творчеству Зурова. Чего-то он в опубликованных вещах не угадывает – так, о публикации в журнале «Современные записки» зуровской «Молодости», представлявшей собой фрагменты трех глав романа «Поле», целиком изданного позже, он пишет: «К сожалению только, читая “Молодость”, все время что-то вспоминаешь, отчетливее всего, пожалуй, Бориса Зайцева. Это зайцевский мир, зайцевский тон, к тому же и у самого Зайцева уже не вполне оригинальный, а им лишь очищенный и упорядоченный»⁸. Хотя, на наш взгляд, здесь уместнее было бы вспомнить не абстрактного Зайцева, но вполне конкретную переключку с романом Владимира Набокова «Дар», с тем же двойным самоубийством двоих влюбленных, в «Даре» не состоявшимся из-за передумавшей умирать девушки, а у Зурова – с тщательно продуманным и доведенным до конца.

На этот раз Адамович не заметил дискретности повествования, хотя в следующей рецензии, отзываясь на публикацию других глав того же романа в газете «Русские Записки», высказал это верное предположение: «“Дозор”» Зурова – по-видимому, глава из романа. Глава сама по себе прекрасная, очень типичная для Зурова, спокойная в основном ощущении бытия, вопреки тем страхам и тревогам, о которых рассказывает. Странное дело – творчество! Зуров пишет о бегстве помещиков из разоренного гнезда, о революционных бедствиях и невзгодах, о России, охваченной темными предчувствиями, но в противоречие дословному содержанию текста, повесть излучает тепло и мир, даже, пожалуй, какой-то уют. Над всем, что Зуров рассказывает, как бы стоит незримый эпитет:⁹ «да здравствует жизнь». <... > Зуров едва ли не самый “почвенный” из наших молодых писателей, потому,

⁷ Г. Адамович, «Литературные заметки: Альманах «Круг», книга I», Последние новости, 1937. 25 ноября. № 6088. С. 3.

⁸ Г. Адамович, «“Современные записки”. Кн. 63. Часть литературная», Последние новости, 1937. 6 мая. № 5885. С. 3.

⁹ Против выделенного курсивом фрагмента Зуров отмечает на полях: «Смотри 1-ю рецензию Ю. Айхенвальда о книге “Кадет” – Адамович здесь повторяет его слова. Л. З. 1953 г.» (Ср.: «Миниатюра войны и мира, т. е. сражений, истязаний, расстрелов – с одной стороны, и деревенского уюта, Волги, родины – с другой, эта частичная, в русской раме картина, уголок вечного мирового полотна в высокой мере удалась молодому перу Леонида Зурова. Ужасное изображает он, но так это переплетено с трогательным и нежным, и грустным, что не мрак идет от его очерков на душу читателя, а какое-то тихое волнение, недоумение, “светлая печаль”, лучи примирения» (Ю. Айхенвальд, «Литературные заметки», Руль, 1928. 10 окт. № 2394. С. 3.

вероятно, и душевно стойкий, что у него крепче, чем у кого бы то ни было скрытая, не идущая на убыль связь с родной землей. Он живет во Франции, как мог бы по прихоти судьбы жить на Антильских островах, – мало ли что в наши дни случается! Но сознанием и даже вниманием он в России, и оттого выносливее своих сверстников, что никакие сквозные ветры на него ниоткуда не дуют»¹⁰.

Постепенно в рецензиях Г. В. Адамовича складывается четко очерченная модель творчества Зурова: «спокойный», «почвенный» писатель с «крепкой, как бы прирожденной “памятью” о России»¹¹. Раньше многих других ценителей особого русского языка зуровских рассказов (множество подобных писем он получит значительно позже, после издания в 1958 году книги рассказов «Марьянка») Адамович отмечает: «“Ванюшины волосы” Леонида Зурова, например, чудесный набросок <...>. Встретил автор древнюю старуху, помог ей добраться до дому, вошел в избу, поговорил с нею и с ее сыном, тоже стариком. Дословное содержание “Ванюшиных волос” до крайности просто, даже убого. А рассказ всей сущностью своею уходит глубоко в землю, к матери-природе, и, ни о чем не споря, ни против чего не возражая, величаво оттеняет суетность нашего существования с его цивилизацией и прогрессом. В рассказе каждое слово пахнет Россией, и слишком мы здесь стали к этому особому, таинственному запаху чувствительны, чтобы сразу его не уловить»¹².

Отдельного упоминания заслуживает оценка Адамовичем Леонида Зурова как «душевно стойкого» писателя. Однако именно здесь мнение критика не оправдалось, причем самым трагическим образом. Внимательный читатель мог заметить, что отношение Адамовича к Зурову переменялось, начиная со второй рецензии на книгу «Кадет». Само появление рецензии на книгу, вышедшую единожды четверть века назад, явление необычное, к тому же рецензия как бы перечеркивала уже упомянутое мнение Адамовича о дебютной повести Зурова и отзыве на нее Бунин. На этот раз критик говорит об особой теме писателя, начавшейся с первой книги и проявившейся во всем его творчестве: «На провинцию <Рига> в русском литературном Париже посматривали с поощрительной снисходительностью, в сущности ничего оттуда не ожидая, – и, вероятно, так же была бы встречена и повесть Зурова, если бы не обратил на нее внимания Бунин. В оценках и суждениях своих Бунин был строг, о произведениях молодого автора отзывался скупой и неохотно. У Зурова он без колебаний признал настоящий живой талант и сразу создал ему имя. <...> Зуров – один из немногих, кто надежды оправдал <...> не только настоящий писатель, но и писатель типично русский,

¹⁰ Вырезка со статьей Г. Адамовича «Русские записки <№ 2>» (Последние новости, 1937. 16 дек. № 6109. С. 3) с пометами Л. Зурова (РАЛ. MS. 1068/4974).

¹¹ Г. Адамович, «Литературные заметки (о Новоселье)», Русские новости, 1948, 23.04. С. 4.

¹² Там же.

которого естественно связать с былой нашей литературой и отвести ему в литературе новой отдельное, заметное место»¹³.

На первый взгляд, рецензент описывает все ту же сконструированную им модель творчества Зурова, не находя ничего принципиально нового, – все то же «вечное спокойствие природы», так же Зуров «только и дышит свободно, оставаясь наедине с лесами, озерами, степями»¹⁴. Что же заставило критика совсем по-иному взглянуть на писателя и коренным образом изменить свою, однажды уже высказанную, оценку его книги?

Предысторией здесь служит открывшаяся в 1953 году душевная болезнь Зурова, о которой Адамович писал В. Н. Буниной, отзываясь на ее сообщение и просьбу: «Очень рад был получить Ваше письмо, хотя и с печальными известиями. О болезни Л<еонида> Ф<едоровича> я знал. Знал и то, что он в клинике. Есть ли надежда, что он поправится? Электрошоки – модная сейчас вещь, но бывает, что организм их плохо выдерживает, и, по-моему, с ними надо быть очень осторожными. Я бы попробовал лечение во всяком случае безопасное – Christian Science¹⁵. Не знаю, верить ли в это или не верить. Я если и верю, то с оттенком «помоги моему неверию». Но я видел случаи – притом именно психические – когда медицина ничего не могла сделать, а они что-то все-таки сделали. Конечно, я с большой охотой напишу о Л<еониде> Ф<едоровиче> статью. Но будет это не раньше второй ½ сентября, а я вернусь только к 10-12-му. Мне надо будет перечесть некоторые его повести и рассказы. <...> Если это можно, передайте Л<еониду> Ф<едоровичу> самые дружеские привет и поклон»¹⁶. Обещанную статью Адамович написал¹⁷.

Тем не менее, Зурова лечили электрошоком. Электрошоковая терапия используется и в наши дни, но вот как описывает ее в книге об отце сын первого и единственного лауреата литературной премии знаменитой американской кинокомпании Метро Голдвин Мейер, проходившего курс лечения всего за шесть лет до Зурова: «Пациент находится в полном сознании, когда с обеих сторон лба пристегивают электроды. Электрический ток посылается в мозг <...>, все тело сотрясают судороги. <...> Под спину кладется клин, так что она выгибается. Виски намазывают какой-то дурно пахнущей мазью. На голову прикрепляют какую-то упряжь. <...> Ваши руки

¹³ Г. Адамович, «Леонид Зуров», Новое русское слово, 1953. 29 ноября. № 15191. С. 8.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Странники упоминаемой им доктрины Christian Science, предложенной в 1879 году Мэри Бейкер Эдди, всем методам лечения (медикаментозным, хирургическим и т. д.) предпочитают исцеление через особые молитвы, направленные на пробуждение духовности в мышлении.

¹⁶ Письмо Г. В. Адамовича В. Н. Буниной от 23 авг. 1953 г., Переписка И. А. и В. Н. Буниных с Г. В. Адамовичем (1926–1961), в И. А. Бунин. Новые материалы. Вып. I. М.: Русский путь, 2004. С. 109.

¹⁷ Г. Адамович, «Леонид Зуров», Новое русское слово, 1953. 29 нояб. № 15191. С. 8.

связаны, ваши ноги держат. Вам в рот втыкают кляп и говорят: “Спасибо, милый”. Скоро все кончится. И вам будет хорошо»¹⁸.

Что-то из всего этого Адамович явно знает, он догадывается о неизлечимости болезни Зурова и нисколько не верит в его исцеление: «Зурову будто бы лучше. Мне плохо верится, чтобы он мог поправиться совсем»¹⁹. Он оказался прав: у Зурова был серьезный рецидив в 1964 году. Однако страшных последствий этого лечения Адамович знать не мог.

Споры об электрошоковой терапии продолжаются до сих пор. Уже в 2000-х гг. американский психиатр Джон Фридберг утверждал: «Я считаю, что потеря памяти от электрошоковой терапии (ЭШТ) это не “побочный эффект”, это главный эффект, и лучшие исследования обнаруживают ее у 100% субъектов». В русском языке нет множественного числа у слова «ложь», а в английском есть, и Дж. Фридберг находит пять проявлений «большой лжи» в рассуждениях об электрошоковой терапии. «Большая ложь № 4» состоит в утверждении, что ЭШТ – счастливое открытие психиатрии. В действительности опубликованная доктором Саккеймом работа демонстрирует рецидивы болезни у 84% пациентов в течение 6 месяцев после прекращения ЭШТ. А «Большая ложь № 5» объявляет, что никто не знает механизма действия электрошока. Наоборот, возражает Дж. Фридберг, все знают, как работает ЭШТ: «Она работает, стирая память и ужасая людей»²⁰.

В случае с Зуровым этот вывод полностью оправдывается: он работает, особенно после лечения, во второй половине 1950-х гг., бесплодно перерабатывая уже написанные эпизоды, главы, даже целые произведения. В его библиографии 1950-е годы представлены крайне скупо. Близко осведомленный о трагедии Зурова, Адамович преисполнен эмпатии к настигнутому душевной болезнью товарищу по цеху. Теперь он, для карикатурного образа которого Набоков в «Даре» выбрал в словаре Даля первое значение слова «мортус» – «мертвый»), в своих откликах на творчество Зурова превращается в рецензента с «человеческим лицом», выполняющего функцию «мортуса» – «служителя при чумных», облегчающего болезнь (второе словарное значение слова).

Эта осознанно взятая Адамовичем на себя роль проясняется при сопоставлении его оценок творчества Зурова в печати и в личной переписке. В качестве примера приведем краткий обмен мнениями М. А. Алданова

¹⁸ L. Lockridge, *Shade of the Raintree: The Life and Death of Ross Lockridge, Jr.* NY: Penguin Books, 1994. С. 197–198 <перевод мой. – И. Б.>.

¹⁹ Письмо Г. В. Адамовича И. В. Чиннову от 28 окт. 1953. Из писем Георгия Адамовича Игорю Чиннову/ Публ. М. Миллер, *Новый журнал*, 1989. № 175. С. 247.

²⁰ Testimony of John M. Friedberg, M. D., neurologist, before the mental Health Committee of the New York state assembly Martin Luster presiding, NYC, May 18, 2001. Retrieved from <http://www.ect.org/?p=259> <перевод мой. – И. Б.>.

и Г. В. Адамовича о двух маленьких рассказах Зурова, опубликованных в «Новом журнале» в 1955 году. Вопрос Адамовича, знающего о недружелюбном отношении Алданова к Зурову, воспринимается как отчасти провокационный: «По поводу “Нов<ого> журн<ала>” Вера Николаевна мне пишет, что “все”, весь Париж, восхищены рассказами Лени и что это действительно “необыкновенная вещь”. *Quien pensez vous?* Леня гораздо способнее, чем обычно о нем думают, и даже не так глуп, как иногда кажется. Но действительно ли это бессмертные шедевры?»²¹.

Ответ Алданова свидетельствует, что он либо не в курсе состояния здоровья Зурова, либо не принимает его во внимание: «О Зурове с Вами согласен. Его два рассказа²² недурно написаны, но оба крошечные. Второй все же слишком длинен (страниц семь), чтобы быть стихотворением в прозе, – хотя по стилю это как будто так, даже слова, особенно глаголы, расставлены так, как их обычно в прозе не расставляют. (Сколько покойный Иван Алексеевич издевался над тем, что Зайцев ставит прилагательное после существительного!) Сюжета же нет ни в первом, ни во втором рассказе “Лени”. Не знаю, очень ли восторгаются читатели, – мне никто, естественно, не говорил, да никто и не писал, – но, по-моему, в его интересах было для первого появления в “Новом журнале” дать что-либо более значительное. А описания хороши. Вера Николаевна и мне написала о колоссальном успехе этих двух рассказов! Я ей отвечу, что и мне они понравились, – в этом неискренности не будет»²³.

Обмен мнениями продолжается вопросом Алданова о В. Н. Буниной: «Говорила ли она с Вами о “Лене” и его рассказах? Кстати, что же Вы о них думаете? Вы меня спрашивали»²⁴. В ответном письме Адамович высказывает свои претензии и к опубликованному в следующем номере «Нового журнала» рассказу Михаила Иванникова²⁵, и к уже обсуждавшимся корреспондентами рассказам Зурова, причем ясно, что тот по-прежнему остается для критика «чужим» автором: «Читали ли Вы в “Н<овом> журнале” М. Иванникова (кто это?) – “Правила игры”. По-моему, очень талантливо, но до невозможности “воняет литературой” и похоже на Андрея Белого. А о Зурове – отвечаю на Ваш вопрос – я думаю, что его рассказы тоже

²¹ Письмо Г. В. Адамовича М. А. Алданову от 3 марта 1956, в «... Не скрывайте от меня Вашего настоящего мнения»: Переписка Г. В. Адамовича с М. А. Алдановым (1944–1957). Предисл., подготовка текста и комментарии О. А. Коростелева. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2011. С. 453.

²² В «Новом журнале» были опубликованы рассказы Л. Ф. Зурова «Ксана» и «Гуси-лебеди» (Новый журнал, 1955. № 43. С. 20–32).

²³ Письмо М. А. Алданова Г. В. Адамовичу от 10 марта 1956, в «... Не скрывайте от меня Вашего настоящего мнения»: Переписка Г. В. Адамовича с М. А. Алдановым (1944–1957). С. 454.

²⁴ Письмо М. А. Алданова Г. В. Адамовичу от 10 мая 1956, там же. С. 462.

²⁵ М. Иванников, «Правила игры», Новый журнал, 1956. № 44. С. 5–21.

талантливой и со всякими живописными достоинствами, но приторной в своей “русскости”: наше русское небо, русские птицы – *et ainsi de suite* <и так далее>. Сами знаем, что русские, незачем напоминать. И наши птицы ничем не лучше других»²⁶.

В 1958 году Зуров издает сборник рассказов «Марьянка», вызвавший множество одобрительных и благодарных откликов в виде рецензий и писем автору. Адамович также выступает в качестве рецензента, причем, судя по статье, он «Марьянке» обрадовался: «Глубокая, неподдельная ее “русскость” <...> это обрывки и осколки огромного исторического действия, всколыхнувшего Россию в наш век, и писатель с чудесной непосредственностью дает эту связь почувствовать»²⁷. Как видим, критик хвалит писателя именно за то, о чем он не так давно с неприязнью писал Алданову, – за «русскость».

Впрочем, нужно помнить, что новый отзыв, который иначе как восторженным не назовешь, свидетельствует не только и не столько о таланте Зурова, сколько, прежде всего, о сердечности Адамовича и его неуклонном следовании своей роли Мортуса. С присущим ему удивительным критическим охватом всего создаваемого в литературе на русском языке, он не мог не знать, что в сборник «Марьянка» вошли всего два относительно новых рассказа, те самые, о которых шла речь в его переписке с Алдановым. Остальные были написаны значительно раньше – одни более десяти лет назад, а некоторые даже в начале 1930-х гг.

Адамович отчетливо понимал драматизм положения писателя, почти утратившего способность писать. Именно этим продиктована опубликованная похвала «Марьянке», в которой не нашлось места ни одному указанию на какие бы то ни было слабину автора. О недостатках говорилось только в письмах. В одном из них, А. А. Полякову, Адамович отзывается о той же «Марьянке» с похвалой, но все же и вполне критически: «Очень талантливо, но ужасно много слов, притом слишком красивых. Бунин прошелся бы по рукописи красным карандашом и половину вычеркнул бы»²⁸. Правота Г. В. Адамовича несомненна: в архиве Зурова сохранился экземпляр

²⁶ Письмо Г. В. Адамовича М. А. Алданову от 22 мая 1956, в «... Не скрывайте от меня Вашего настоящего мнения»: Переписка Г. В. Адамовича с М. А. Алдановым (1944–1957). С. 462.

²⁷ Г. Адамович, «“Марьянка”. Рассказы Леонида Зурова», Русская мысль, 1958. 11 авг. С. 8.

²⁸ Письмо Г. В. Адамовича А. А. Полякову от 4 сент. 1958; цит. по: О. Р. Демидова, «Еще раз о маске: образ автора в письмах Георгия Адамовича», в Потаенная литература. Исследования и материалы. Вып. 2. Иваново, 2000. С. 156.

повести «Кадет» с бунинской правкой²⁹, основным направлением которой была редукция текста почти на треть³⁰.

Тогда же, в 1958-ом, и так же, в личном письме, Адамович признается в том, что Зуров – не «его» автор: «... Читаю “Встречу” со смутными и глубокими (это не ко мне относится!) откликами. <...> А еще читаю Зурова: мне он совершенно не интересен, но я не могу не видеть, что это талантливый и настоящий писатель. Вина, значит, во мне»³¹.

Понимал ли Л. Ф. Зуров двойственность оценок Адамовича? По-видимому, понимал, хотя едва ли мог разобраться в ее причинах. Прочитав рецензию критика на «Марьянку», он пишет Милице Грин, с которой привык общаться без обиняков: «Адамович напечатал фельетон в “Н<овом> Р<усском> С<лове>”. <...> Фельетон приятный, но и лукавый. На этот счет Г<еоргий> В<икторович> большой мастер»³².

Последний подарок от Г. В. Адамовича Зуров получил за три с половиной месяца до своей внезапной смерти – в мае 1971 года он успел прочесть благодарный отзыв критика на новое, второе, издание его давней повести «Отчина»: «... все так изменилось, что “Отчину” читаешь как нечто новое. <...> “Отчина” скорее похожа на протяжное песнопение, чем на повесть, и тема не столько повествовательна, сколько лирична»³³. Есть в этой статье, особенно в этом удивленном «все так изменилось», та глубокая искренность, в которой уже никак не заподозрить ни снисходительности, ни двойной оптики взгляда, ни очередного желания поддержать «чумного» только за то, что он «чумной». И это, на мой взгляд, была лучшая из всех рецензий, написанных Г. В. Адамовичем на произведения Леонида Зурова.

Georgijs Adamovičs – *mortus un vivus*

Georgijam Adamovičam bieži pārmeta kritisko vērtējumu subjektivitāti, atkarībā no tā, kā viņš dalīja autorus “savējos” vai “svešos”. Vladimirs Nabokovs viņu izvēlējās kā karikatūru varoņa prototipu, literāro kritiķi Kristoforu Mortusu (latīņu ‘mortuus’ krieviskā adaptācija, proti, ‘miris’) romānā “Dāvana”. Rakstā parādīta cita, negaidīta G. Adamoviča personības puse – viņa dziļā līdzjūtība prozaiķim Leonīdam Zurovam,

²⁹ См.: А. J. Heywood. Catalogue of the I. A. Bunin, V. N. Bunina, L. F. Zurov and E. M. Lopatina Collections / ed. Richard D. Davies. Leeds: Leeds University Press, 2000. Кадет (1928 и б. д.) (отредактированные страницы книги, отчасти И. Буниным, для предполагаемой публикации [вместе с «Отчиной»?] под названием «Две повести». РАЛ MS. 1068/274.

³⁰ Более подробно см.: И. Белобровцева, «И. А. Бунин-редактор: об окончательном (каноническом) тексте повести Л. Ф. Зурова “Кадет”», Slavica Revalensia, № 1, 2014. С. 44–63.

³¹ Письмо Г. В. Адамовича С. Ю. Прегель от 17 июля 1958, в Г. Адамович, Одиночество и свобода. М.: Республика, 1996. Доступно на <https://e-libra.ru/read/445761-izbrannye-pis-ma-raznyh-let.html>.

³² Письмо Л. Ф. Зурова М. Э. Грин от 21 нояб. 1958, РАЛ MS. 1068/2733/.

³³ Г. Адамович, «“Отчина”, повесть Зурова», Новое русское слово, 1971. 23 мая. С. 8.

kuru viņš vienmēr bija uzskatījis par “svešu”, estētiski svešu. Pēc tam, kad kļuva zināms par Zurova psihisko slimību, G. Adamovičs uzņēmās mortusa lomu, saskaņā ar Vladimira Dāla skaidrojošo vārdnīcu, tas ir ‘kalpotājs, kas atvieglo vājprātā esošo, psihiski slimo cilvēku slimību’.

Georgy Adamovich – *Mortus* and *Vivus*

Georgy Adamovich, the outstanding literary critic of Russian emigration, was often rebuked for his extreme subjectivity, which was motivated by proximity, i. e. by whether the writers were considered close or “strangers”. Vladimir Nabokov chose Adamovich as the character prototype for the literary critic Christopher Mortus (the adaptation of the Latin ‘mortuus’, namely ‘dead’) in the novel *The Gift*. The article reveals another, unexpected side of Adamovich’s personality and his deep sympathy for the prose writer Leonid Zurov, whom he always considered aesthetically alien. After the news of Zurov’s mental illness, Adamovich took on the role of a “mortus” who, according to Vladimir Dahl’s Dictionary, is a servant relieving the sufferings of mentally ill people.